

Слово при погребеніи о. протоіерея Іоанна Іаковлевича Образцова.

„Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...“

Знаемъ мы, что по слову апостола „водворяясь въ тѣлѣ мы устраниены отъ Господа“ (Коринѣ. V, 6) и что для ближайшаго и блаженнѣйшаго общенія съ Нимъ человѣку необходимо оставить земную храмину, сію оболочку духа, скинуть тѣло, какъ бы ветхую одежду для того, чтобы оно, подобно зерну, истлѣвши въ землѣ, стало нетлѣннымъ, и смертное стало безсмертнымъ; знаемъ, что нѣтъ другого пути въ свѣтлую область небеснаго царства, какъ только черезъ смерть; но все же во всѣ времена ужасно явленіе смерти, ужасенъ этотъ переходъ отъ земли въ иной міръ, и содрагается человѣкъ при этомъ ужасѣ, плачетъ и рыдаетъ, видя „во гробѣ лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразну, безславну, немущую вида“. Эти слезы при смерти и при гробахъ усопшихъ не есть-ли постоянный плачъ человѣчества о томъ первомъ въ раю грѣхѣ прародителей, который повергъ въ землю Богомъ созданное тѣло.

Ужасъ смерти усугубляется въ настоящемъ случаѣ.

Это многолюдное собраніе, это всеобщее настроеніе унынія и скорби свидѣтельствуютъ, какъ тяжела

наша утрата... Въ гробѣ о. протоіерей Іоаннъ Іаковлевичъ Образцовъ... Когда вѣсть эта пронеслась по здѣшнему округу, всѣ, хотя и знали объ опасномъ положеніи больного, какъ-то тяжело, будто одною грудью вздохнули... Да, закатилась большая звѣзда, упалъ могучій дубъ... И не столько общественнымъ положеніемъ, какъ своею нравственною личностью высокъ былъ покойный. Не по силамъ мнѣ въ настоящемъ скромномъ словѣ выразить всю духовную красоту почившаго о. протоіерея, хотя бы нѣкоторыя дорогія черты изъ его жизни запечатлѣть въ памяти при этомъ разставаньи на вѣки.

Прежде всего вспоминается, — съ какимъ благовѣніемъ проходилъ почившій свое молитвенное служеніе. Какъ умѣлъ онъ молитвенно умиляться, часто со слезами на глазахъ совершая Божественную евхаристію. Любилъ покойный проповѣдывать слово Божіе, и проповѣди его были не сухими, книжными поученіями, а всегда это было глубокое, живое, сильное, отъ сердца слово, проникнутое любовью, убѣждающее. И сейчасъ, братіе, предстоитъ онъ предъ нами съ послѣднею, хотя и безмолвною, но сильною проповѣдью. Этими сомкнутыми устами, закрытыми очами и бездыханнымъ тѣломъ, какъ сильно вѣщаетъ онъ о грядущей, неизбежной и близкой всѣмъ смерти: „Приидите, земнородніе, ко мнѣ, узрите доброту тѣлесную очернѣвшу, тѣмъ-же отъ нея познавше, братіе, исходъ, ко Спасу предваримъ со слезами...“ вѣщаетъ онъ о суетности міра: „что мятешися безвременно, о человѣче, единъ часъ и вся проходятъ...“, „воистину суета всяческая, житіе-же сѣнь и саніе есть, ибо все мятется всякъ земнородный, якоже рече писаніе, егда міръ преобразуемъ, тогда во гробъ вселимся...“ „вся суета человѣческая, елика не пребываютъ по смерти: не пребываетъ богатство, не сшествуетъ слава...“

Братіе, о если-бы намъ, такъ любившимъ проповѣди почившаго, запечатлѣть эти послѣдніе посмертные его уроки!

Всѣ знали покойнаго о. протоіерея за человѣка выдающагося ума, а какое было при этомъ у него доброе сердце! Какъ умѣлъ онъ обласкать, сказать привѣтливое, радушное слово. Умѣлъ радоваться чужою радостью, раздѣлить скорбь, утѣшить всегда сильнымъ и какъ-то умиротворяющимъ словомъ. Какъ всегда была пріятна его задушевная братская бесѣда. И никогда онъ не возвышался надъ людьми меньшими. Если-же и выражалъ когда свое неудовольствіе, то всегда безъ тѣни злобы, и всякую вину очень скоро забывалъ, ко всякому недостатку всегда снисходилъ. Потому-то, видимо, такъ и любили его низшіе члены причта и служащіе при храмѣ... И нынѣ какъ бы по всегдашнему обычаю своему онъ привѣтствуетъ насъ послѣдними нѣжными влагаемыми въ уста его церковью словами: „здравствуйте, друзи, чада, спасайтесь, братіе, спасайтесь, знаеміи“.

Очень было-бы пространно настоящее слово, если-бы пытаться говорить о многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлахъ покойнаго: онъ былъ выдающійся труженикъ, и, можетъ быть, упорные и непрестанные труды ускорили его кончину. Въ какомъ-бы дѣлѣ ни принималъ покойный о. протоіерей участіе, всюду онъ вносилъ глубокой, вѣрный взглядъ и живую душу. Сколько, напр., сдѣлано имъ добраго по Спасосѣнновской церкви и приходу, гдѣ онъ прослужилъ 33 года и особенно въ такъ близкомъ его сердцу дѣлѣ приходской благотворительности. И какъ нѣжно привязанъ былъ къ приходу и къ храму, на 33-лѣтнее служеніе при коемъ онъ положилъ свои лучшія силы. Переведенный высшимъ начальствомъ къ Вознесенской церкви онъ до послѣднихъ дней своихъ такъ живо интересовался

всѣми даже мелочами жизни и нашего причта и прихода, скорбѣлъ нашими неудачами и радовался нашими радостями. О своей службѣ на Сѣнной онъ постоянно вспоминалъ; прошлою осенью, напр., онъ пишетъ: „въ послѣднее время мнѣ почему-то частенько снится мое служеніе на Сѣнной,—будто-бы я служилъ литургію— и въ четвергъ, а затѣмъ молебень съ акаѳистомъ. Это привело меня къ мысли исполнить то и на яву, на дѣлѣ...“ И пришелъ покойный какъ бы проститься съ дорогимъ для него храмомъ, при службѣ умилился, говорить, заплакалъ и едва, черезъ силу окончилъ чтеніе акаѳиста.

Вообще трудно видѣть плоды чисто пастырской дѣятельности, ибо главное здѣсь не внѣшнее, а внутреннее,—созиданіе духовнаго человѣка, насажденіе и возвращеніе царствія Божія въ душахъ людей. „Царствіе (же) Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ“ (Ев. Марк. IV, 26—27). Непостижимо и таинственно это духовное созрѣваніе. Но несомнѣнно въ этомъ-то, что покойный о. протоіерей, какъ пастырь, учитель и духовникъ, имѣлъ чрезвычайное вліяніе. Самъ человѣкъ глубоко вѣрующій, истово православный, строго церковный и чисто русскій, съ любовію ко всему родному русскому, онъ производилъ и словомъ, и примѣромъ, и всею своею личностью неотразимое впечатлѣніе... И сѣялось чрезъ него обильно это сѣмя любви къ церкви парвославной, къ ея ученію, уставамъ, обычаямъ, сѣмя любви къ родинѣ... Въ тишинѣ незримо возрастаетъ сѣмя... Дѣйствительно, здѣшній народъ — прихожане спасосѣнновскаго храма, отличаются преданностью православной церкви, отзывчивостью на все доброе, привязанностью къ родинѣ... И дай Богъ, чтобы сохраня-

лись эти лучшія черты въ народѣ, и не оскудѣвалъ среди насъ духъ почившаго о. протоіерея.

Дорогіе собратья! и вотъ насталъ часъ разстаться съ тѣмъ, съ которымъ всѣ такъ сжились, кого такъ искренно любили, чье имя не сходило съ нашихъ устъ, съ дорогимъ о. протоіереемъ Іоанномъ Іаковлевичемъ. Забудемъ, братіе, если когда утружденный и обезсиленный онъ сказалъ кому непривѣтливое слово, сохранимъ о немъ вѣчную добрую память, будемъ молиться непрестанно и въ церковныхъ и въ домашнихъ молитвахъ о прощеніи его согрѣшеній и о упокоеніи его свѣтлой души въ царствѣ блаженства и свѣта.

Свящ. *Евг. Кондратьевъ.*

Отдѣльн. оттискъ изъ «Извѣстій по СПб. Епархіи» за 1903 г., № 18.

Печат. разрѣш. Спб., 30-го сентября 1903 г. Протоіерей **Философъ Орнатскій.**

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, № 6.